

The background of the book cover is a collage of forensic evidence. It features a large, irregular red bloodstain in the upper half, a smaller red fingerprint on the left, and a black bullet casing in the center. In the bottom right, there is a circular stamp with the number '18+'. The overall color palette is dominated by red, black, and yellow, with a white background.

Сергей Нохрин

Попытка Реквиема

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Сергей Нохрин
Попытка Реквиема

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Нохрин С. А.

Попытка Реквиема / С. А. Нохрин — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Автобиографический рассказ о преступном мире, о благородстве и подлости - глазами сотрудника. Содержит нецензурную брань.

© Нохрин С. А., 2016
© ЛитРес: Самиздат, 2016

Попытка Реквиема

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения автора. Любые нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке. Художественное произведение основано на реальных событиях.

– *Почерк обвиняемого? – спросил другой присяжный.*

– *Нет, – отвечал Белый Кролик. – И это всего подозрительней.*

(Присяжные растерялись)

– *Значит, подделал почерк, – заметил Король.*

(Присяжные просветлели)

Льюис Кэрролл

«Весьма серьезная проблема –

отсутствие объективной

и всесторонней информации

о бывших заключенных,

прежде всего, криминологической».

Гармаш А. Предупредить легче, чем вылечить. Профилактика рецидивной преступности среди бывших заключенных // ЭЖ-Юрист. 2012. № 3. С. 14.

2003 год

Служба участковых уполномоченных

г. Киселевск, Кемеровская область

Пролог

Я дал себе слово рассказывать только о людях. Не сдержался. Каюсь!

Мы ищем Его уже два дня. Ищем и днем и ночью. Мы на три раза исколесили, перевернули вверх дном частный сектор, опросив всех и вся, от мала, до велика. От зябнувших старух до вездесущих мальчишек. Иногда мне кажется, что мы ищем не человека. Нет свидетелей. Нет очевидцев. Нет информации. Нет даже полноценных версий...

Дежурная часть маленького отдела до отказа забита фигурами с вычурными татуировками на плечах, на пальцах, на запястьях. Мы с шумом вытаскиваем их из квартир, из постелей, из прокуренных кабаков и вонючих полусгнивших бараков. Шум и ругань царят в маленьком помещении, изнутри камеры чья-то страждущая душа, работая на публику, барабанит в массивные металлические двери – «Начальник, хорош беспределить!..». И у стен имеются уши и уже минут через пять камера настороженно замолкает. По отрывистым фразам дежурного, торопливым шагам в коридоре, суете оперативников, бесконечному реву снующих туда-сюда служебных и личных автомобилей люди с большим тюремным опытом, понимают, что случилось что-то непредсказуемое, что-то из ряда вон выходящее. Чей-то голос, с иронией, предлагает: «Слышь, командир? Выпускай! Быстрее вашего найдем...». Камера взрывается искренним смехом.

Против нас дождь, огромный, подлый проливной дождь, смывший всевозможные зацепки и нашу крохотную надежду. То кровавое месиво, что называлось когда-то женщиной, покоится в городском морге. Оно не может подсказать нам имя Убийцы. Выражение ужаса прочно въелось в ее застывшее лицо, вгрызлось в каждую пору, в каждую трещинку. Убили ее не сразу. Немыслимо жаль, что убили ее не сразу...

Несколько минут я обалдело таращусь на дощатую дверь невысокого насыпного дома, пытаюсь подсчитать количество зарубок на ее поверхности. Их около сотни. За долю секунды перед вторжением, вторая чудом, выжившая женщина, успела закрыть двери на металлическую щеколду, судорожно повинувшись спасительному рефлексу. Но Он ушел не сразу. Он вонзал и вонзал нож в доски, снова и снова. Что она пережила в эти мгновенья?

Мы ищем! В такие минуты я как никогда отчетливо верю в Бога и сыскную удачу...

В воздухе повисают противные как зубная боль вопросы: **Куда идти? Кого искать?** Мы находимся в трех остановках от места происшествия, просто плетемся по лужам. Глядя в бешенные от усталости, воспаленные с красными прожилками глаза младшего опера я с изумлением вспоминаю, что, и сам за это время спал всего лишь около двух часов. Просто уронил голову на рабочий стол. Мы ищем!

Искоса поглядываю на своего спутника. Немногословный Саша Быков слывет везунчиком. Университетов не проходил, пришел в милицию после армии, на маленькую должность. Вряд ли он что-то знает о цикличности или профиле преступника, и, тем не менее, на его счету несколько эффективных (один на один) задержаний особо опасных...

– А, пёс его знает, почему. Понимаешь, услышал где-то, что они на место преступления возвращаются. Решил, проверить.

Впереди маячит серое здание, и мы входим в узенькое фойе, чтобы укрыться от осточертевшего дождя. Шмыгая носом (издержки профессии – вечный гайморит) младший опер с благодарностью принимает толстенную кружку с чаем из рук сердобольной вахтерши. – Как в общежитии? – переспрашивает она – Да, тьфу-тьфу! У Зойки вот только на втором этаже «гудят».

Но «гудят» вовсе не там. Зоя это румяная, пышущая здоровьем, двадцатипятилетняя женщина. Женщина-хамелеон. Днем она преподает в начальных классах, учит первоклашек вековым ценностям; вечером возится с вечно сопливой дочуркой, налево-направо приторговывая жутким пойлом – алкогольным суррогатом (смесью технического спирта и димедрола), который ей тайком поставляют азербайджанцы. Одним словом, «Зойкина квартира». Поправляя халатик с лилово-рыжими драконами, «спиртовичка» подобострастно указывает нам на обшарпанные двери соседней комнатухи.

– Два дня какой-то «антабус» пьет. А что за парень я не знаю.

Я почему-то склонен ей верить. За два года торговли у Зои сложилась весьма солидная клиентура, готовая выложить за спирт последний гривенник или сплетню, а это значит, что в комнате находится действительно кто-то чужой.

...Что я себе нафантазировал? Придумал какого-то монстра в жанре «ноггог»¹. Ребячество все это... Дождь виноват, будь он неладен. Усталость и дождь. Долгий-долгий, нудный-нудный...

Перед нами слегка покачиваясь, стоит пьяненький мальчишка, лет девятнадцати. Ничем не примечательный убийца. Вполне обычная внешность. Небольшого роста, шапка волос с «рыжинкой». Веснушки возле носа. Он часто облизывает губы и как будто извиняется:

– Документы при себе гражданин начальник. Вот... Зашел в гости к знакомым. Жил здесь в общежитии... когда-то...

Я припоминаю его лицо. С полгода назад он приходил в один из служебных кабинетов для того, чтобы встать на учет, после первой «отсидки». Долго слонялся по коридору, потому, что его участковый был на выезде.

Текст записки, изъятой при личном досмотре подозреваемого :

«Мама скажи мне я очень плохой сын? Плохой внук, да? Я понимаю, что от меня одни неприятности, ты пойми, я устал сам от себя! Мамуль я очень мечтаю измениться, но мне трудно! Наркомания это тяжелая беда, и в одиночку с ней почти, что невозможно справиться! Я понимаю, что наркомана даже за человека никто не считает, хуже скотины! Но мамуль я хоть и наркоман, но все, же в первую очередь я живой человек, мне тоже может быть обидно, грустно и больно и т.д. Мама, я не хочу садиться в тюрьму, там не так уж и хорошо, как вы мне ее расхваливаете, потому, что это в первую очередь тюрьма, а не профилакторий! Мама если бы ты только могла представить, как я мечтаю увидеть нормальную жизнь! Найти более или менее нормальную работёнку, найти девушку, я хочу, чтобы у меня

была своя семья, что бы был малыш, хочу жить ради него! Я устал от такой жизни, которой живу я, это даже не жизнь, это мука и горе. Почему неудачи и неприятности преследуют меня, как будто я проклят. Мамулечка, я больше не хочу так жить! У меня уже всё болит внутри, когда надо всё тело ломит, каждую косточку выкручивает, мне иногда кажется, что мне осталось совсем немного!»

Выписка из приговора:

« В половине девятого он позвонил в дом Федоровой Г.А. и когда она открыла ему дверь и пропустила в веранду Осокин И.В. с целью хищения чужого имущества, вооружившись ножом и используя его в качестве оружия, применяя насилие опасное для жизни и здоровья, внезапно для Федоровой напал на нее, когда она повернулась к нему спиной и с целью умышленного убийства потерпевшей нанес ей ножом не менее 59 ударов по телу в область спины, груди, живота, лица, причинил множественные ранения мягких тканей лица, рук, передней и задней поверхности грудной клетки, которые как в отдельности, так и в совокупности квалифицируются как тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни. Причиненные телесные повреждения вызвали обильную внутреннюю и наружную кровопотерю, которая и явилась непосредственной причиной смерти Федоровой».

Глава 1

«Монолог»

*«Жизнь – трагедия для того, кто чувствует,
и комедия для того, кто
мыслит»*

Ж. Лабрюйер

2016 год

*Кафедра административного права и
административной деятельности ОВД
БЮИ МВД России*

Никого не осуждаю. Как бы ни хотелось. На это есть Высший Суд!

Как ни крути, а без воспоминаний не обойтись²... Мне двадцать три года. Я тороплюсь жить, и видимо, поэтому всюду опаздываю. Передо мной целый мир, который я последовательно и жадно изучаю. Днем изнуряющая работа на заводе, где мне доплачивают за «вредность», но вязкое слово «усталость» мне еще незнакомо. Мне очень многое нужно успеть, заявить о себе в этом огромном светлом мире, состояться, добиться – одним словом оправдать свою жизнь. Вечерами меня поджидает знакомство с творчеством бывшего «самиздата» – Даниила Хармса, Аркадия Аверченко, Константина Вагинова, Артюра Рембо, братьев Стругацких, Станислава Лема, Александра Галича, стихами Русского зарубежья, (гениальные строки Бориса Поплавского скрашивают мое вечернее одиночество), и еще многими удивительными авторами. Кроме того, я открываю для себя огромный пласт запрещенной ранее музыки, нежно поглаживая купленные втридорога из-под полы пестрые виниловые пластинки с таинственными названиями – малый джентельменский набор: «The Beatles», «The Doors», «T.Rex», «ELP», «Creedence Clearwater Revival», «Bob Dylan» и т.д. Об этом времени замечательно скажет трагически погибший поэт Александр Башлачев: «Ведь биг-бит, блюз и рок-н-ролл околдовали нас первыми ударами...».

«Что не запрещено, то разрешено» – на дворе начало девяностых, окончательно рушится Великая страна, а, следовательно, рушится огромное количество запретов и вот уже в просторных залах Алтайского государственного университета, я с восхищением изучаю репродукции Сальвадора Дали и Константина Васильева. На всю страну неповторимыми шутками гремит талантливая сибирская команда КВН «Дети лейтенанта Шмидта», а «золотой» голос команды Виталий Гасаев поет в русской постановке рок оперы «Иисус Христос – суперзвезда». Это же целое событие! Целый мир не может ждать, и я тороплюсь, планы мои внушительны, в

этом году мне предстоит поступление в институт, к чему я готовлюсь весьма обстоятельно. И пусть я пока пишу стихи только в стол, у меня есть самое главное – понимание друзей. Двадцать три года это вам не семнадцать, ты почему-то кажешься себе солидным мужчиной – ведь за плечами армия. В моей семье подрастает дочь и если и есть во мне страх, то только за ее будущее. Дни наполнены событиями, небо яркими красками и вдруг оптимизм начинает постепенно таять. С одной стороны в воздухе витает эйфория юной и горластой демократии – прекращается ссылка академика Сахарова, запоздало присуждают государственную премию Владимиру Высоцкому (наконец-то официальное признание), посмертно чествуют правозащитника (оказывается, у нас есть и такие) политзаключенного Анатолия Марченко, открыто поговаривают о новой Конституции. С другой... Люди вокруг начинают говорить на каком-то птичьем языке, все как один остро интересуются политикой. Вначале увлеченно, а затем уже и озлобленно до хрипоты граждане спорят на работе, на улице, в трамваях. *Seditio civium hostium est occasio*.³ Газеты пестрят ужасающими сенсациями о жизни кремлевских небожителей, которые на поверку оказывается всего лишь «дымовой завесой». Словарный запас пополняется непривычными словами, каждое из которых как плеть: «афганский синдром», «дефолт», «инфляция», «МММ», «ваучеры», «ГКЧП», «дефицит». С последним словом связана череда событий, по какому-то злему волшебству пропадают продукты в магазинах, их нет даже на складах, и вот уже, с изумлением я изучаю лежащие на ладони серые коротенькие бумажки – талоны на предметы первой необходимости: муку и сахар, табак и мыло. Происходит что-то непонятное, следствие деятельности «прорабов перестройки»: промышленность впадает в ступор, сотни людей разных возрастов и профессий остаются без работы. Грузчики, шоферы, продавцы, артисты, преподаватели, шахтеры, военные, профессора. Вскоре (а чем ты собственно лучше?) доходит очередь и до меня. Безденежье, безработица, безысходность. Страна пожинает первые кровавые всходы национализма: гремят Алма-Ата и Карабах.⁴ Как средство для выживания плодится спекуляция, появляются «челноки», частный извоз и платные туалеты, вокзалы оккупируют "напёрсточники", а остроумные журналисты моментально выдумывают слово – «лохотрон»⁵. Проходит совсем немного времени и вот уже цыгане у останков торгуют совсем не жевательной резинкой или «палёной» водкой, на смену семимильными шагами идет «наркота». Правительство огромной державы постыдно кланчит деньги у Запада, но и держава в скором времени рассыпается как карточный домик. «Нет зверя свирепее, чем человек, если к страстям его присоединяется власть»⁶. Газеты сходят с ума, трубя о каком-то кровавом переделе собственности⁷, о криминальных разборках, но возможно это там, где-то в далекой и суматошной Москве. Это там царит вечная смута, это там разносят в ключья Белый дом залпами танковых орудий. Здесь же, в хлебосольной Сибири, этого просто не может быть, стрельба ночью совсем не стрельба, а просто хлопки простуженного автомобильного двигателя, ведь нельзя же озвереть в одночасье.

«Узаконенная проституция, простая кража имущества, кража со взломом, убийство, грабеж и разбой – для низших классов; тогда как изощренные хищения, скрытая и ловкая кража, умелая игра на человеческом скотстве, предательства и измены из тактических соображений, невероятные уловки, наконец, все пороки и все подлинно доходные и элегантные преступления – все это ускользает от закона и остается монополией высших классов»⁸. Быть может, и так. Как само собой разумеющееся однажды я подметил много раз повторяющуюся, странную особенность простых рабочих людей: вначале они вполне искренне, до вдохновения боготворят шустрых политических лидеров, восходящих на Олимп, но уже через несколько лет начинают их люто ненавидеть. Что ж, мнение нынешних ведущих теоретиков о тех временах уже однозначно, и ничего положительного в этой оценке нет.⁹

...Утром, торопясь на работу люди практически не обращают внимания на сгоревший дотла коммерческий ларек (еще одно новшество), на полу которого лежит скрючившийся труп

продавщицы. Незрячим можно быть очень долго, некоторым удается прожить с этим недолгий человеческий век...

Человеческая память избирательна, она может путать хронологию, ей не возбраняется ошибаться в датах. Время равнодушно стирает многое: забываются имена и лица людей, исчезают события, которые казались нам когда-то значимыми и неповторимыми. Быть может, поэтому вчерашнее суматошное время, кажется мне сейчас сплошным размытым ярким пятном. Но именно тогда я принял решение, которое определило мою жизнь, как бы претенциозно это, ни звучало. Устав от неопределенности, от «вселенского» хаоса (совершенный щенок в небе из радужных красок), я иду работать туда, где еще живет видимость порядка, туда, где (к великому удивлению!) ты оказываешься нужен. Мне крупно повезло, я был свидетелем благородства и подлости, у меня были отличные учителя, профессионалы своего дела и крепкая мужская дружба. Принадлежность к серьезному делу, разве этого мало? Иногда я с удовольствием просматриваю несколько серий из документального цикла «Криминальная Россия», но совсем не из любви к сенсациям или криминальным сюжетам, которыми сыт по горло. На черно-белых кадрах оперативной съемкой запечатлены еще совсем юные лица моих сослуживцев, моих товарищей. Даже сейчас, невзирая на приличный опыт, я удивляюсь тем людям, которые, невзирая на глухую неприязнь, и зачастую людское равнодушие действительно жили работой, вкалывали как проклятые, получали копеечную зарплату, но находили время для шуток и человеческих отношений (простите за ностальгию!), а главное, несмотря, ни на что, практически в одиночку, раскрывали преступления...

Уникальная возможность, на протяжении многих лет наблюдать, общаться, беседовать, интервьюировать лиц преступивших закон со временем автоматически превратилась в страсть к собирательству. Особенно если дело касалось, каких – либо письменных источников. Ведь ни для кого не секрет, что зачастую даже клочок бумаги, хранящийся в громоздком сейфе следователя, помогает осознать мотивы, пролить свет на умысел, предугадать преступное поведение... Начало этих записок родилось после моего знакомства с богатством человеческой фантазии. В первый год службы моя любознательность превращается в «глаза и уши»¹⁰, я впервые узнаю, о том, что предметы простой школьной готовальни могут служить отличным средством для крепления узеньких металлических отмычек – мой ровесник, молодой вор, коротая время в ожидании конвоя, снисходительно читает мне лекцию о сувальдных, ригельных и цилиндрических замках. Узнаю о том, что половинку «мойки», (Простите! – лезвия), можно носить под языком как средство защиты – в дежурной части со мной откровенничают скучающие проститутки, совсем юные девочки, попавшие под неожиданный рейд. Узнаю о чудодейственных свойствах вазелина. Да, да, не удивляйтесь! Разогретый на огоньке вазелин совершенно необходимая вещь в хозяйстве. Если вобрать его в инъекционный шприц, то можно вколоть куда угодно: в губы, в половые органы (для осязательного увеличения размера), в казанки между указательным и средним пальцем. Образуется довольно оригинальная подушечка, весьма удобная для драк. Иногда (если переборщить) огненной дозы слишком много и тогда осложнение переходит на пальцы, они больше не гнутся. Получается вполне боеспособная рогатка. В девяностых годах, в маленькой поселковом городишке Алтайского края, был похоронен старшина милиции Александр Путонашенко, помощник участкового уполномоченного, сделавший вечером замечание группе пьяных подростков, и принявший мучительную смерть. Его попросту забили насмерть.¹¹ Убийцами оказались «домашние» мальчишки и лишь один из них засветился на «малолетке». Тело хоронили в закрытом гробу, по одной простой причине. Как вы думаете, куда пришелся удар вазелиновой рогатины? Все правильно – на глаза. Александр был моим сокурсником, стаж его работы составлял всего полгода...

Именно тогда я дал себе слово записывать все, что мне покажется важным. Дневниковые записи в основном рождались во время ночных бдений на суточных дежурствах, иногда по «горячим следам», если так можно выразиться. Детективных историй, в этой книге не

будет, это рассказ о людях, которые с поразительной и страшной легкостью пополняют необъятные ряды пенитенциарных учреждений¹², разговор пойдет о Насилии, которое мне довелось видеть. Кроме того, Вам представится возможность посмотреть на мир глазами рецидивиста. Личности целенаправленной, сильной и практичной, с особым мировоззрением и совершенно иным взглядом на обыденные для нас вещи. Некоторые строки нелицеприятны для чтения. Но вот в чем парадокс – именно при живом соприкосновении с Криминалом приходит осознание подлинного, повседневного и подчас незаметного труда людей, стоящих по иную сторону баррикад. Людей, чье бескомпромиссное Противостояние преступности все еще позволяет искренне говорить о Совесть...

Все описываемые события были в действительности. Имена участников судебных процессов: потерпевших и подсудимых изменены по особым соображениям. Одни еще живы и отбывают наказания в местах лишения свободы. Других уже не вернешь...

Глава 2

«Находка»

*«Рассказывать о мире,
где живут рядом Добро и Зло...»*

Леонид Енгибаров

2005 год

Служба участковых уполномоченных.

г. Киселевск, Кемеровская область

Все в этой жизни имеет свою историю. Забавно осознавать, что в городской мешанине, в чехарде широких улиц и тротуаров, увенчанных разноцветными светофорами, среди новомодных супермаркетов, среди стекла, бетона и пластика, где-то там, в глубине, почти на задворках, в косых лучах заходящего солнца притаились добротные серые здания эпохи Вождя всех времен и народов. Общеизвестный факт, что строили тогда с песней, с размахом и на века. Здесь, в тени деревьев, к месту и не к месту, понатыканы чудом сохранившиеся потертые изваяния марксиста, зовущего, в светлую и счастливую даль. Именно отсюда молчаливые свидетели колоссальных свершений неодобрительно взирают на нас, неблагодарных и суетливых потомков. Именно здесь царит связь времен, дремлют события достойные легенды. Сталинизм это всего лишь часть Апокалипсиса...

Когда-то давно, сюда на пустырь, на место будущей стройки, припылил обкомовский «ЗИС», а затем медленно вползли «пятитонки», заполненные высохшими, как сухие горошины людьми в полинявших на солнце мундирах. Ворочая лопатами, кирками и груженными тачками, о чем они могли думать? Они, прошедшие маршем пол-Европы, солдаты победоносного вермахта, бесноватое племя, в упоении надрывавшее восторженные глотки: «Один народ, одна нация, один вождь!». Они, протащившие на плечах губительную идею о сверхчеловеке. Идея оказалась привлекательной, ее кровавые всходы мы пожинаем даже сегодня, в двадцать первом веке. Чтобы убедиться в этом, достаточно всего лишь включить телевизор... Чистокровные арийцы, потомки рыжего Барбароссы, велением Великого Кормчего, оказавшиеся здесь, в сибирской глубинке. Сегодня следы этих изломанных фигур затерялись в милом их сердцу фатерлянде, на погостах Померании, Баварии и Восточной Пруссии. Осталась лишь застывшая в камне память. Так или иначе, но невысокое здание, в котором я работаю, действительно строили немецкие военнопленные. Вкрадчивая история всегда намного ближе, чем нам кажется...

Рабочий день окончен давным-давно, а посему возвращаясь окольными путями, можно спокойно переговорить о том, что еще сегодня кажется очень важным, а завтра уже не вспомнится никогда. Не торопясь, мы идем в дежурную часть, где вскоре с громким скрипом откроются металлические двери оружейной комнаты и можно будет с легким облегчением сдать табельное оружие, предвкушая желанный путь домой...

Стокилограммовый, крепко сбитый мужчина, сжимая в крупной ладони пистолет, с удивительной энергией бежит по сугробам, по серому снегу, вниз, к маленькой городской речушке, которая не замерзает даже зимой. Именно туда уходит, извивается, прячется присыпаемая летящими с неба многоликими хлопьями, узенькая дорожка, на которой еле различимы отпечатки обуви. В такую пору темнеет довольно рано, но при свете одноглазой луны еще можно различить и ряд металлических гаражей, и хмурые погасшие пятиэтажки, в которых сладко засыпают, всхлипывают, улыбаются во сне люди, не подозревая о нашем вечернем марафоне... Человека, зовут Сергей Топильский. Участковый маленького заснеженного отдела. На секунду оборачиваясь ко мне, он что-то кричит, что-то очень злое, но что именно на бешеном ходу разобрать невозможно...

Мы наткнулись на нее совершенно случайно. Она лежит, в четырех метрах от входа в подъезд, и первоначально в полумраке кажется нам забытой, брошенной, кем-то куклой. Какие к чертям *stigmata mortis*, подходя ближе, подсознательно, мы уже понимаем, что девушка мертва. Ее голова повернута к бетонной стене дома, шерстяная кофта завернулась, приоткрыв плоский девичий живот, глаза ее закрыты, в одной из мочек отсутствует сережка. Ни драгоценность, нет, совсем простенькая блестящая бижутерия, о чем мы узнаем позже. Но именно эта деталь раз и навсегда врезается в память. Девушка лежит на спине и это обстоятельство крайне досадно, теряя драгоценное время, мы не сразу понимаем, куда пришли ножевые ранения. Сергей грузно встает на одно колено и трогает ее за руку, затем за шею, опять за руку, затем, резко выпрямляясь, почти подпрыгивая, взрывает воздух самыми отборными и страшными ругательствами, которые приходят на ум... Причина таких эмоций в следующем – тело девушки еще хранит природное тепло. При таком морозе это означает, что прошло совсем немного времени, может быть всего десять-пятнадцать минут, и нечеткие следы, уходящие от тела в сторону пустыря, могут принадлежать только нападавшему.

На другой стороне дома, на углу дома я замечаю чью-то фигуру. «Женщина постойте! Да, постойте же!». Нет, это совсем не свидетель. Округлив в испуге глаза, она лишь качает головой. «Не видела. Нет, не видела. И не слышала. Вышла вот, только что – прогулять собачку».

На бегу, тельняшка становится совершенно мокрой, задыхаясь, я рву ворот бушлата. Человек, бегущий впереди меня, неожиданно останавливается, как будто натывается на невидимую стену. Поравнявшись с ним, я с тяжелой злобой смотрю на блестящую дорогу, у которой обрываются следы. Это тупик! Дальше нет никаких строений, дальше только пустошь, заснеженное поле, и будь ты семи пядей во лбу, обнаружить хоть что-нибудь в этой влажной каше, покрывающей асфальт, невысказано. Не желая сдаваться, мы еще рвемся в разные стороны дороги, преодолевая десятки метров и все-таки обманывая самих себя. Впереди только немая темнота. Всё тщетно, в такую погоду найти что-нибудь действительно невысказано. Ни совершенной криминалистической техники, ни самой талантливой розыскной псине, и уж тем беспомощному в таких случаях человеку. Проезжающая машина обдает нас светом ближних фар, и вдруг стоящий рядом человек в форме, каким-то заученным, отработанным жестом яростно футболит ближайший сугроб...

Я прихожу домой только под утро. В ушах стоит жуткий плач матери убитой девочки. Обхватив голову, раскачиваясь, как заведенная она повторяет одну и ту же фразу: «Говорила я ей, не ходи одна, говорила, я ...» В эту ночь мы опросили десятки людей – сотрудников одного за другим поднимали с постели...

В почтовом ящике меня терпеливо ждет письмо со стихами от далекого друга. Теперь уже можно шагнуть под горячий душ, а затем, обжигаясь крепким, черным как деготь чай, немного прийти в себя.

Я люблю ночь.

Свежесть. Тишину.

Шум последнего трамвая

И в дымке луну,
И холодных звезд
Призрачный блеск.
Я люблю ночь –
Она полна чудес...
Хочется забыть
Суету и дразги дня,
На лучшее надеяться
И гнать тоску-печаль.
Дым папиросы
Уносится вдаль.
Эта ночь похожа
На теплую шаль.
Месяц в облаках
Как женщина в мехах.
Тяжело вздохнул
На станции состав.
В жизни все проходит
И жизнь сама пройдет,
А завтра вставать
Но это не в счет...
Глава 3
«Полянка»

*«Я (фамилия, имя, отчество),
поступив на службу в органы внутренних дел,
присягаю на верность народам Российской Федерации.
Клянусь соблюдать Конституцию
и законы Российской Федерации,
уважать и соблюдать права
и свободы человека и гражданина,
добросовестно выполнять приказы начальников
и возложенные на меня служебные обязанности.
Клянусь достойно переносить связанные со службой
в органах внутренних дел трудности,
быть честным, мужественным, бдительным сотрудником,
хранить государственную и служебную тайну.
Клянусь, не щадя своей жизни,
охранять установленный Конституцией
и законами Российской Федерации правовой порядок.
Если же я нарушу принятую мной Присягу,
то готов нести ответственность,
установленную законами Российской Федерации.
Служа Закону – служу народу!»
Присяга Сотрудника органов внутренних дел
Российской Федерации,
Утверждена Постановлением Верховного Совета
Российской Федерации от 23 декабря 1992 г. № 4202-1
1994 год*

*Патрульно-постовая служба*¹³

г. Барнаул, Алтайского края.

Барнаул девяностых. Каким он был мой город, чей красавец шпиль, так свободолоубиво попирает небо? Иногда он казался мифическим Вавилоном. На фоне нестабильного рынка вдруг пышным цветом зацвела кооперация, добавив головной боли уголовному розыску. Как говаривал один из семи античных мудрецов: «Рынок – узаконенное место беззакония». Рынок... Металлические шашлычные, наполовину скрывая тучных оборотистых армян, притягивали нервных покупателей и своры бездомных дворняг со впалыми боками. Под бодрящие звуки группы «Мираж» постукивая валеночками, краснощекие девчонки-продавцы, часами переминались у торговых рядов с китайским разноцветным тряпьем, отрабатывая небольшой процент у предприимчивых «хозяев». Кто знает, сколько женского здоровья потеряли эти девчушки на сибирском морозе? Отчетливо помню, как тихо поскуливала одна девушка, отлучившаяся, за горячим кофе, и оставшаяся без выручки. Торговля – вот, что грезилося важным.

Брезентовые палатки, напичканные дешевой электроникой, словно часовые на посту охраняли невысокие смуглые люди с удивительно похожими лицами, которых несведущие горожане принимали за выходцев из Средней Азии. В действительности дело обстояло несколько иначе. Это были хазарейцы, представители небольшого племени, коренные жители загадочной страны, где немилосердно царит солнце, страны с тягостным названием – Афганистан. Себя они именовали – хазари. Еще пару лет назад они защищали социалистический лагерь, поддерживая оружием воинов-интернационалистов. Теперь у них не осталось ничего, кроме горького статуса – беженец. В один из дней, молчаливый как изваяние, коренастый мужчина по имени Фарид, заметив, как бесцеремонно, среди белого дня, в многолюдном месте совершается кража, не выдерживает. Вспыхнув как порох, сопровождая каждый жест, злой гортанной речью он помогает пешему патрулю задержать карманника. В жизни такой благородный жест нельзя оставлять без внимания. Мы подружились...

Теперь я частенько посещаю комнатушку в полупустой гостинке, где ютится бывший кабульский милиционер. Телевизор, диван, электрическая плита, вот, пожалуй, и все, что входит в понятие домашняя обстановка. К выцветшим обоям пришпилен глянецовый плакатик с близоруким битлом, позабытый прежними хозяевами. Фарид – мусульманин и гость для него это святое. Вечерами, в закопченном от времени походном казане томится рассыпчатый плов, наполняя каморку немислимыми запахами курдючного сала, дымящегося мяса и специй. Тягучий прозрачный мед, горячие лепешки, завернутые в плотную цветастую ткань – всё необходимое для долгой неторопливой беседы. Халяльная пища. Массивная коричневая контрабандная таблетка с надписью «Made in Pakistan» аккуратно крошится лезвием узкого «пчка»¹⁴, плотная пыльца смешивается с табаком. Хозяин квартиры делает три глубоких затяжки, выдыхая-выплюывая сизый дым в открытую форточку, туда, где в морозном небе дремлют черепахи-облака. Глаза его подозрительно краснеют. Я еще не курю, но чтобы не обидеть хозяина пару раз прикладываюсь к бумажному мундштуку.

Мы ровесники, но за его спиной огромный опыт: сумятица затяжной войны, разрушенный кров, зверства талибов и как результат, бегство в чужую и холодную страну. Новые нравы, тяжеловесный и трудный для понимания русский язык. Иногда наши мирные диалоги переходят в яростные баталии, мы спорим до хрипоты, до тех пор, пока соседи не начинают барабанишь в стену – «Дайте поспать, придурки!».

– Вот смотри – он проворно задирает штанину, показывая мне на ноге круглый застарелый шрам – Память от вас.

– От кого это Вас? – вскидываюсь я.

– От русских! Мы же для вас все одинаковые, все на одно лицо. Чурки, одним словом. Там в Кабуле, когда я был мальчишкой, русские разворовывали свою воинскую часть. Приезжали на БТР и продавали всё что можно. Доски, олифу, цемент, краску. Страшный по тем временам

дефицит. Мы, ребяташки ждали команды старшего, затем по сигналу подбегали к колесам, и начинали все растаскивать в разные стороны. Рассчитываться забывали. Русские уезжали ни с чем. Однажды сержант обиделся и дал по земле очередь из автомата, меня зацепило. Русских хотели, убить, они очень быстро уехали.

Про второй шрам Фарид не рассказывает, но я и так знаю достаточно много. Спасибо словоохотливой гостиничной вахтерше. Второй шрам он заработал уже здесь, в Сибири. Вечером в трамвае подгулявшая «гопкомпания», решила «потрясти» заезжего азиата на деньги. Результат – ножевое ранение в живот и тоска реанимации.

– Пять! – для пущей убедительности он протягивает мне растопыренную пятерню – Пять раз, понимаешь? Пять раз на дню мы встаем на колени и благодарим своего Бога. Спасибо Аллах за новый день жизни, за то, что ты дал мне радость познать этот мир, спасибо за этот хлеб, и за этот плов. А, вы?

–А, что мы?

–Вы не благодарите. Вы только просите. Вы всегда говорите только: «Дай!».

От неожиданности я замолкаю. В Афганистане упокоилась душа моего лучшего друга, поэтому опасаясь взорваться, очень осторожно подбирая слова, я говорю:

–Бог он один, Фарид, и не важно, как ты к нему обращаешься...

Юношеский романтизм! Как же мало нужно для того, чтобы он улетучился безвозвратно, чтобы раз и навсегда понять, что жизнь это совсем не игра. Подобно мифической шагреновой коже с точностью до наоборот, профессия разрастается, становится частью тебя... Откуда я мог знать, тогда, полностью погруженный в повседневные заботы, что наука о преступном насилии¹⁵ (пусть даже молодая) уже существует, разрастаясь в теории.

«Бразды пушистые взрывая, летит кибитка удалая...». Пузатый желто-синий УАЗик надсадно завывает в темноте, поднимаясь с черепашьей скоростью в гору, вверх по обледеневшей трассе. Город сковал гололед. Асфальтовые дороги, ухоженные аллеи, узенькие тропинки, суетливость горожан, любые движения все находится в ледяном плену и эта вынужденная медлительность вдвойне досадна, потому, что кто-то с надеждой ждет твоей помощи. Кожаной перчаткой я с остервенением растираю небольшое замерзшее оконце автомобиля, в надежде хоть что-нибудь разглядеть в темноте. С момента вызова прошел почти час, но мы до сих пор плутаем, каждые десять минут я выбегаю на дорогу, пытаюсь рассмотреть названия улиц при узком луче карманного фонарика. Время от времени автомобильная рация обиженно похрюкивает, простуженный эфир наводнен какими-то невообразимыми помехами. После долгих переговоров с дежурной частью ситуация наконец-то проясняется. Оказывается, нужно свернуть в небольшой лесок. Именно там, в глубине, вдали от общего жилого сектора, под лапами елей приютились три добротных домика, с многочисленными пристройками.

– Давай-ка налево, Володя!

– В кабинете у себя командовать будешь, Глеб Егорыч – неожиданно отзывается Вовка, смешливый и крепкий парень.

– Не время сейчас, отец! После, переговорим... – подхватываю я.

Чух-пых-чух-пых – вещает машина, и вдруг... водитель неожиданно меняется в лице. Визг тормозов заглушает притихший заснеженный лес. Увесистая кожаная папка, карманный фонарик летят куда-то под ноги под крепкое словцо. Вблизи автомобильных колес, на изрытом, искрящемся снегу, покрытом красными пятнами, вытянув руки вперед, лежит человек, одетый в синий новый пуховик. Выйдя из машины, я замечаю, что пуховик этот растерзан в пух и прах, с боков свисают неопрятные клочья ваты. Мужчину окружают четыре фигуры, плечистые дядьки которые держат в руках в полной боевой готовности, лопаты и вилы. Чуть поодаль закутавшись в шубу и серую шаль, над огромной клетчатой сумкой хлопочет полная женщина. Такие сумки почему-то называют – «Мечта оккупанта». Нас встречают вздохом облегчения, люди спешат высказаться, мешая друг другу. Из торопливых фраз я потихоньку начинаю осо-

знавать, складывать как мозаику, случившуюся ситуацию. Час назад, в одном из домов широко отмечали день рождения хозяйки. Застолье было прервано, когда кто-то, из гостей решив покурить на свежем воздухе, случайно заметил, как двое неизвестных взламывают стайку. Возникла пьяная стихийная погоня, один из жуликов благополучно сбежал, бросив сумку, второму же в это вечер не повезло...

В оплывших глазах человека, поднявшего из сугроба голову, вспыхивает радость. Таких как он, уничижительно называют – «синелапый». Кто называет, я не буду уточнять. Передо мной прошедший несколько «ходов» вор, который в обычной жизни, скорее всего меня бы ненавидел, но сейчас он действительно рад нашему приезду. Рядовая привычная кража обернулась для него затяжным ужасом. В милиции я почти два года, бывало всякое, приобвык, посмотрелся, но переломы такой формы, зигзагообразные («Z»), вздутые на немощных татуированных кистях, я вижу впервые. Пытаясь оторвать его от земли, я вцепляюсь ему в воротник, затем подхватываю под мышки – самостоятельно идти он не может. Говорить ему трудно, гортань его хлопает, издавая какие-то блеющие звуки, но, несмотря на это он упорно выталкивает из себя слова, словно ему нужно передать мне что-то очень важное:

– Звери, начальник... Ой, какие звери... Час на снегу держали. Чуть шевельнешься – бьют...

Приближаясь на четвереньках к «подсадке» автомобиля человек все еще бормочет, но уже обращаясь к себе:

– Ох, попал в блудняк! Попал как *** в рукомойник.

Поверьте, я далек от служебного фанатизма, но именно тогда я вывел для себя формулу: «Не знаешь, как поступить, поступай по Закону». Я знаю, что это им не понравится. Так называемым – Потерпевшим. Вызывая на помощь наряд, они ожидали совсем не этого, но я вынужден это сделать. Какое уж там... раскаяние в содеянном. Лица людей вытягиваются, когда я объясняю, что им необходимо будет проехать с нами в отдел. Они задержаны, за превышение пределов необходимой обороны, за пьяный животный страх, за *autodiciae jus*¹⁶. Мои слова встречает всеобщий вопль возмущения, который впрочем, быстро стихает... Кабина автомобиля, наполняется терпким запахом свежего перегара. Последней в салон карабкается громадная хозяйка, ни на секунду не выпуская из рук нелепую сумку, из которой торчат взъерошенные головы несущек. Она возмущена до глубины души, она вызывает к невидимому правосудию. Однако на дворе глубокая ночь, и нет здесь, в опустевшем лесу слепой полуголой Фемиды.

– Ой, да родненькие мои. И поила-то я вас и кормила. Для чего ночей-то не спала? Чтобы поганцу этому хохлатки мои достались?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.